

Красавец держал в руках биографию императора, читая о том, как у него было так много наложниц, и сжимал свиток так сильно, что тот трещал.

Ханьский император знал, что красавец обижен, понимал, что после встречи с госпожой Жунхуа ему было неприятно, и позволил ему немного повздорить. Он надеялся, что младший брат поймёт, и старался сохранить эти хрупкие отношения.

Вечером, когда пришло время спать, красавец всё же был вынужден делить ложе с императором. У него не было своих покоев, и он мог спать только на кровати императора, разделяя с ним постель, но не мысли. Красавец лежал на боку, отвернувшись к стене, а император, лежащий сзади, смотрел на него с печалью. Глаза императора слегка покраснели, в его душе было много невысказанных слов, и эти мысли, как злобные призраки, преследовали его. Он целыми днями томился в глубинах дворца, без любимого человека, не имея возможности заниматься тем, что ему нравилось, и чувствовал, что сходит с ума.

Придворные советовали ему как можно скорее отправить госпожу Чжаои обратно в Дворец Юнсин, не оставлять её в Ханьском дворце. Пусть император время от времени навещает её, это будет лучше. Что это за ситуация, когда их император относится к Яньчжи хунну как к своей любимой наложнице? Это не соответствует правилам и моральным устоям.

Император схватил брата за руку, прижал лоб к его спине и с болью сказал:

— Жун'эр, ты меня ненавидишь?

Красавец, сжав губы, молчал. Император снова заплакал, он чувствовал себя беспомощным, никто не поддерживал его, даже брат не понимал его и злился на него. Император продолжил:

— Жун'эр, поговори со мной.

Он не знал, сколько ещё сможет выдержать такое давление, нависшее над ним со всех сторон. Любовь и ответственность — как ему сделать выбор? Если сегодня он согласится отправить Чжаои обратно в Дворец Юнсин, завтра придворные могут потребовать вернуть её хунну.

Он страдал, он боялся, он обнимал красавца, плача, как ребёнок. Его отец считал его слабым, и, возможно, он действительно был слаб. У него не было решимости отца, чтобы сражаться с хунну до конца, и не было его хитрости, чтобы свергнуть одну императрицу и возвести на трон другую, полностью контролируя гарем. Сначала его держала в руках мать, а теперь он оказался в тисках всего двора. Что ему делать?

Красавец не обернулся, чтобы утешить его, и император, обняв его спину, заснул в слезах. Даже в таком состоянии он чувствовал себя в безопасности. Император пошёл на небольшие уступки придворным и после аудиенции отправился к императрице, проведя с ней ночь. На следующий день атмосфера на совете стала более спокойной, больше не было острых споров и постоянных нападок, но придворные, будучи хитрыми, внимательно следили за его дальнейшими действиями.

Император боялся этих министров и боялся своего холодного брата. После аудиенции он скрылся в кабинете, просматривая доклады и играя с цикадами. Когда он играл с цикадами, он был похож на ребёнка. Слуги напоминали ему о еде, и он неохотно вставал, ел что попало, чувствуя, что голод утолён, и снова возвращался к докладам, засиживаясь до глубокой ночи, прежде чем вернуться в свои покои.

В покоях его Чжаои уже спал, и он не собирался отправлять его обратно в Дворец Юнсин.

Вернувшись туда, он не смог бы заснуть, и даже если брат молчал и не разговаривал, обнимая его, он чувствовал его тепло, которое было его последним утешением.

В час тигра слуги тихо разбудили его, чтобы он готовился к утренней аудиенции. Император, потянувшись, почувствовал желание. Он посмотрел на брата, который лежал к нему спиной, и осторожно потрогал его ягодицы. Брат не двигался, казалось, он крепко спал. Император, с сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, начал осторожно спускаться рукой вниз, как вор. Но как только он снял штаны, брат резко отшвырнул его руку, встал и, не глядя на него, позволил слугам одеть себя.

Император, увидев, что брат встал раньше него, молча смотрел на него. Его приближённый тихо кашлянул и подошёл к нему:

— Ваше Величество, пора вставать.

Император встал, с утра чувствуя, как в нём клокочет злость. На утренней аудиенции он снова услышал, как министры намекают ему отправить госпожу Чжаои из дворца в Дворец Юнсин. Они говорили красивые слова, что Дворец Юнсин давно заброшен, и император может немного его отремонтировать, сделав подходящим местом для Чжаои.

Министры даже давали ему советы, как отремонтировать дворец, сколько серебра потратить и сколько мастеров нанять. Главное, не тратьте слишком много серебра и не нанимать слишком много мастеров, достаточно сделать дворец слегка приличным. Они даже тайно надеялись, что император лишит Чжаои титула и будет просто любить Жун'эра, как обычного человека, чтобы, если хунну когда-нибудь начнут требовать объяснений, они могли бы найти оправдания.

Император, слушая их болтовню, швырнул поданный ему свиток на пол и громко крикнул:

— Довольно!

Министры замолчали. Император рано закончил аудиенцию и пригласил главного наставника в свой кабинет выпить чаю и поговорить. Наставник боялся пить чай, видя, как горячий напиток подносят к нему, он покрылся холодным потом. Но император был вежлив и любезен, он мягко обсуждал государственные дела, и наставник, видя, что чай меняют несколько раз, наконец, перед уходом отважился сделать глоток. Не пить чай императора было бы непочтительно, и наставник не смел ослушаться.

Наставник не был отравлен, но чуть не умер от страха.

Целый месяц император по очереди приглашал министров в свой кабинет пить чаю и обсуждать дела. Министры боялись, хотя с наставником ничего не случилось, с главным военачальником тоже всё было в порядке, и управляющий дворцом, казалось, был в безопасности, но вдруг с ними что-то произойдёт? Что, если в их чашку добавили что-то?

Император мог только так немного сдерживать их, оставляя несколько дней в месяц для посещения других наложниц. Он не мог всё время скрываться у императрицы, она, хоть и была терпеливой, но другие наложницы тоже нуждались в «равномерном внимании». Он надеялся, что таким образом его министры оставят его в покое и перестанут пристально следить за его Чжаои.

Красавец окончательно порвал с ним, не только не разговаривая с ним, но и не ложась спать рядом, предпочитая спать один на диване, и даже несколько раз просил слуг передать, чтобы император выделил ему отдельные покои.

Император не знал, чего он хочет, возможно, просто хотел спать рядом с ним, хотел видеть его, когда просыпался от кошмаров. Раздельные кровати — так раздельные, он поставил в покоях ещё одну кровать.

Красавец тоже не понимал, чего он хочет, ведь он не давал ему обнимать себя, не позволял спать с ним и не разговаривал с ним, а его брат всё терпел. Ему казалось, что он всё меньше понимает своего брата. Не то чтобы он был скрытным, просто он замкнулся в себе, в своём представлении о гармонии и равновесии.

Император каждую ночь возвращался поздно, кроме игры с цикадами, он просматривал множество докладов, иногда посещая других наложниц. Он создавал образ мудрого и добродетельного правителя, надеясь, что его усилия принесут плоды, например, хороший сон, пока рядом с ним был красавец.

Красавец давно не разговаривал с братом, они были как незнакомцы, живущие под одной крышей, видящие друг друга, но не общающиеся. Император, казалось, тоже не хотел с ним разговаривать, и когда красавец не выдерживал и кричал на приближённых императора, тот начинал избегать его, прячась в кабинете, играя с цикадами, и возвращался только когда тот засыпал.

Красавец не знал, чем его брат занимается каждый день. Если он не любит его, то почему большую часть месяца проводит с ним в Западном дворце? Если любит, то почему не разговаривает с ним и ночует у других наложниц?

Двор и гарем временно достигли равновесия, и император был доволен, он был готов прожить так до конца своих дней.

Следующей весной в Ханьском дворце зацвели груши. В те дни был выходной, и министры отправились на прогулку, а император остался во дворце, гуляя по саду, наслаждаясь солнцем и цветущими грушами. Некоторые любопытные наложницы, услышав, что император в саду, нарядились и притворились, что просто проходят мимо.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16253/1462045>